

А.Мекка

Здесь никогда
не ходили трамваи

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Витальевич Мекка

Здесь никогда не ходили трамваи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30791672

SelfPub; 2018

Аннотация

Говорят, что раем может быть лишь одно счастливое воспоминание, которое окутает тебя теплотой на целую вечность. Что же есть ад, если не бесконечный цикл сменяющихся воспоминаний? Плохих, хороших, настоящих. Ад это или целая жизнь? А может, что-то большее? Куда более целое и осмысленное, чем обрывки, за которые так хочется уцепиться, чтобы не упасть. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

1

Мы развлекаемся на заднем сидении черного седана. Пахнет разлитым пивом, что пропитало синтетику под нами... ее желтую юбку... мои джинсы. Из рта у нее пахнет сигаретами и чем-то растительным. Я чувствую вкус табака на ее губах и языке. Мы целуемся. Она выдыхает. Я расслабляюсь. Старюсь расслабиться, ведь никогда не мог сделать это в полной мере. Не получается. Чувство искупления не приходит, отчего напрягаюсь еще больше. Сжимаю ее. Запускаю руку под желтую юбку. Чувствую. Как она дышит в мою шею. Как молекулы табака оседают на моей рубашке. Она дышит все тяжелее. словно специально. Задает ритм. Командует мной и управляет, не произнося ни слова. Требует напористости. Просит меня о сострадании.

– Ну, же, что же ты. Давай.

Я не отвечаю. Не могу говорить, пока разглядываю яркую неоновую вывеску ночной забегаловки. Свет рваными кусками оседает на черном капоте и, подобно восхитительно-грязной болотной жиже, растекается по нему. Взбирается по лобовому стеклу и лезет в салон. Лезет мне под рубашку. Щекочет. Лезет ей под юбку. Возбуждает.

Она становится жёсткой. Напористой и напряженной.

Похожа на тетиву лука, что так легка, но, в тоже время, так сильна.

Она меняет позицию.

Это ее поле.

Ее правила.

С легкостью взбирается мне на колени.

Не могу отделаться от неона. Он подобен хищнику, обхаживающему свою территорию.

Она похожа на этот неон.

Считает меня своей жертвой.

Своей территорией.

Я чувствую, как ее тонкие пальцы путаются в моих волосах. Движения нежные. Мягкие. Почти по-матерински заботливые. В один миг они становятся грубыми.

Жестокими.

Сильными и страстными.

Пальцы прижимают меня к груди хозяйки.

– Ну, давай же... Что же ты? Даже не встал...

Я не отвечаю. Храню молчание перед лицом хищника. А хищник напорист. Хищник не привык получать отказы. Хищник живет лишь по своим собственным правилам, и законы ему неведомы. Хищник существует лишь благодаря своей беспринципной бескомпромиссной хищной натуре. Я не хищник.

Она меня не интересуется. Отчего-то не заботит.

Ее натура.

Она скучна.

Продолжает прижимать меня к своей прыщавой груди.

Неон мне интереснее. Понятнее. Легче и существеннее.

Задняя дверь открывается. Холодный уличный воздух, воспитанный выхлопными газами, хватает меня за глотку. Я понимаю, что рубашка давно расстегнута и болтается, подобно пораженческому флагу. Я вижу пирсинг на ее соске. Вижу выражение ее лица. Удивление, что сменяется паникой. Я все это вижу, ведь реальность вдруг стала медленной. Тягучей. Похожей на мед или карамель. Столь же сладкой, сколько горькой. Мне не хочется, но я поворачиваю голову, пока Она спрыгивает с колен и прячется за моим плечом.

Хозяин седана пытается меня отчитать. Я не слышу его. Или не слушаю. Не могу уловить его слов или смысла этих слов, поэтому отворачиваюсь. Я вновь с ним наедине. Вновь смотрю на неоновую вывеску. Вижу, как электрические процессы текут в этих длинных тонких трубках. Как редкие проблески света мелькают в них. Они похожи на проблески чего-то истинного. Чего-то важного и недостающего этому миру.

Она пихает меня в бок, но я не отвечаю. Не отзываюсь. Не подаю каких бы то ни было признаков жизни.

Стараюсь.

Кто-то тянет меня за рубашку. Становится холодно. Сырой снег обжигает и бодрит. Грязный. Черные вкрапления в желтоватой массе. Колючий. Уже давно темно и людей на улице практически нет. Лишь пара-тройка жмутся возле входа под неоном.

– Али!

Он кричит и тянет меня наверх. На ноги. Они не слушаются.

– Али!

Я стою и шатаюсь, точно неваляшка. Щетинистое лицо су-рово. Он смотрит и продолжает говорить, но я слышу лишь собственное имя.

– Али!

Рука похлопывает меня по щекам. В ушах начинает гудеть. Я поворачиваю голову и вижу, как вывеска гаснет. Ночное кафе закрывается.

– Али! Приди уже в себя!

– Что?

Я говорю нечленораздельно, но Он понимает.

– Приди в себя, говорю! Ты что-то принял?

– Я не помню. Кажется, нет.

– Хорошо.

Он ставит меня, точно расхлябанный табурет, возле машины. Облокачивает, чтобы не упал. Чтобы не рассыпался. Застегивает мою рубашку. Я пытаюсь помочь, но Он отпикивает. Из этого мало что выходит.

– Так, ты, вали отсюда!

Я понимаю, что он обращается к хищнику на заднем сидении. Она что-то кричит ему в ответ. Что-то увесистое. Не могу разобрать. Все бес толку. Она выходит и отвешивает мне звонкую пощечину, а после бьет по ноге. Я падаю. Опять

на земле. Опять в грязи и снегу.

Он берет ее в охапку и оттаскивает. Спасает меня от участи быть избитым ногами на высоких каблуках. Я почти благодарен. Почти в своем уме. Почти жив. Почти мертв. Пытаюсь встать. Он помогает. Мой спаситель. Как же его зовут. Он усаживает меня на переднем сидении и закрывает дверь. Мне хочется уснуть. Почти получается, но Он будит меня.

– Сам поднимешься?

Должно быть, я отвечаю «да», раз оказываюсь на улице возле подъезда. Облокачиваюсь о стену. Моргаю, но глаза самовольно закрываются на слишком долгий срок. Машины уже нет. Мне холодно, а ключи в кармане слишком изворотливые. Никак не уцепить их пальцами. Кто-то выходит, и я мигом просачиваюсь в открытую дверь. Ноги инертно несут меня вверх по лестнице на второй этаж. Мне хочется остаться здесь, но навязчивая идея улечься на диване не дает мне покоя, поэтому я продолжаю идти. Цепляя ступени носами ботинок. С трудом попадая ключом в замочную скважину. Оставляя одежду прямо на полу.

Засыпаю. Засыпаю. Засыпаю.

И вижу жуткие сны. Навязчивые. Подобные убогому аттракциону. Напоминающие лишь о том, что ненавидишь и всеми силами пытаешься забыть. Напоминающие тебя самого.

Засыпаю. Засыпаю. Засыпаю.

Просыпаюсь и снова засыпаю, слыша, как кто-то ходит за

дверью моей комнаты.

2

Мне десять лет. Летние каникулы заканчиваются. Мы бежим. Он впереди. Быстрее и сильнее. Старше. Гораздо старше. Быть может, даже лучше, хоть на первый взгляд и не скажешь. Мы пробегаем по растрескавшемуся асфальту и сворачиваем у моста на каменистую дорогу. Мимо – железнодорожное полотно и частные домики с огородами. Жилища похожие на сараи. Это окраина, а на окраине всегда так. Безумство граничит с нищетой. Смерть идет под руку со скукой.

Никак не могу догнать.

Его ноги сильнее. Он и сам куда тренированнее, поэтому ступает уверенно. Не смотрит под ноги, а просто знает, куда нужно наступить, чтобы не споткнуться об одну из многочисленных канав и не упасть.

Все не успеваю.

Сворачиваем к развалинам завода. Вернее, он сворачивает, а я просто следую за ним. Зло и обида сидят во мне.

Не знаю, отчего.

Не помню.

Не понимаю, что буду делать, если догоню.

Ударить?

Он сильнее и проворнее.

Зачем бить?

Чего хочу добиться?

Быть может, доказать?

Показать, что я лучше.

Успешнее хоть в чем-то, пусть это и неправда.

Он об этом знает, но не подает вида.

Я об этом еще ничего не знаю.

Завод остается позади, и каждый шаг отзывается стуком в моей голове. Чувство такое, что челюсть вот-вот выпрыгнет изо рта, пока мы бежим по старинной брусчатке, выложенной задолго до рождения наших отцов. За годы она покосилась и приобрела все изыски местного холмистого ландшафта. Вот, ты бежишь в гору, а спустя мгновение уже с горы, хоть и горы это почти незаметны глазу. Лишь ноги ощущают их. Мне видится эта дорога неким подобием моря, что не может вести себя спокойно, отчего постоянно разливаются, подтапливая соседние участки. Гляжу вправо – колодец. Деревянный короб со столь же деревянным люком. Ничего сложного или хотя бы интересного. Скучное зрелище. Куда интереснее дорога к этому колодцу. Затопленная и почти непроходимая. Крутой спуск, заканчивающийся коровьим лежбищем, за которым обустроилось настоящее болото. Точно понтоны, дряхлые трухлявые доски покачиваются на его поверхности, держась друг за друга.

Начинаю задыхаться, ведь никогда не мог удержаться на плаву слишком долго.

Я – не эти старинные подобия понтонов. Никогда не чувствовал и не ощущал себя надежной переправой.

Он другой.

Куда более естественный и даже настоящий.

Далеко убежал. Уже и не догнать.

Сворачиваем налево. Вновь на дырявом асфальте. Пробегать и не раскроить себе голову – уже почти чудо. Он пробегает. Я нет. Падаю за несколько метров до ворот, у которых ждет его Мать – моя Бабушка. Падаю в грязь и пыль. Камни такие мелкие, что сразу же впиваются в предплечья и колени. Я заливаюсь слезами, но сам не пойму, отчего плачу.

От боли?

Или быть может от того, что проиграл этот спор. Я не лучше. Не сильнее. Не быстрее. Не проворнее. Я – плохая копия того, чем мог бы стать, и год от года лишь доказываю это с новой силой.

Все это мне лишь снится. Образы слишком быстро сменяются друг друга. Не могу сосредоточиться ни на одном из них.

Вот мне шесть.

Зима.

Я калечу санки и свою спину на горке, конец которой выходит прямо на дорогу. Забираюсь, скатываюсь и снова забираюсь. Простая схема, которая впечатляет меня до сих пор.

Вот мне шестнадцать.

Я бреюсь.

Намылить, смыть, намылить, сбрить. Схема, которой я пользуюсь уже слишком долго.

А вот мне восемнадцать.

Налить, выпить, повторить. Эта схема показала себя самой эффективной, хоть и была актуальной достаточно короткий промежуток времени.

– Али!

Я не отзываюсь. Тут мне лучше, чем там.

Самое сложное в любом сне – это заставить себя проснуться, так отчего же я должен заставлять себя? Почему меня должны заставлять другие? Должно быть, мне нельзя было являться домой в таком состоянии, раз уж меня решили разбудить.

– Али!

– Прошу, уйди.

– Али! Вставай!

Я с трудом отбрасываю свои видения и продираю глаза. Мама стоит надо мной. Ее вид неизменно говорит лишь о контроле. О системе, в которую я никак не вписываюсь, ведь являю собой лишь хаос, который, точно саранча, поглощает все, к чему я прикасаюсь. Иногда мне кажется, что она видит меня именно так. Это странно, ведь я ровным счетом совершенно ничего не знаю о ее мыслях. Возможно, мне хочется так думать. Хочется считать себя обиженным, хоть меня никто и не обижал.

– И что это было?

– Где?

– Не придуривайся. В каком виде ты вчера вернулся до-

мой?

– Далеком от кондиции.

Отвечаю я и хочу засмеяться, хоть мне совсем не смешно.

– Ты понял меня.

Она фыркает и уходит, ведь говорить больше нечего. Слова потеряли свою актуальность еще до того, как были произнесены. На следующем этапе куда эффективнее действия, поэтому я и действую. Встаю и залпом опорожняю сразу литр воды в пластиковой бутылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.